Сын Рима

Было ли пение тише, чем погребальные барабаны, сказать невозможно. Восемь голосов вышли как один из центра агоры с такой громкостью, в которую трудно было поверить. За всю свою жизнь я слышал лишь несколько вещей таких же громких, как этот концерт голосов.

Разумеется, я не мог понять ни слова из того, что они говорили. Мой детский наставник, обучил меня мельчайшим тонкостям Аликонского языка, но забыл упомянуть, что в каждом из Греческих городов есть свой основной язык, а внутри каждого языка – свои диалекты. Не позаботился упомянуть об этом, а может, ему просто не хватило времени.

Что бы ни было сказано, это было достаточно убедительно. Грифон, Скифас и новоприбывший в плаще из крокодиловой кожи восторженно наблюдали за ходом погребального обряда. Их глаза проследили за тем, как дымная рука тянется к небесам. Их взгляды были голодными и жаждущими – что бы ни говорилось, что бы ни пыталась передать рука, они ценили это гораздо выше, чем ссору, которая только что произошла между Грифоном и шрамованой Героиней.

Гражданин Олимпии, блистательный в своей тунике цвета индиго и украшениях из драгоценных камней, отпрянул от меня, когда я опустился на колени. Его руки были прижаты к ушам, из которых текла кровь, так же, как и из моих собственных. Если мне и нужен был ещё какой-нибудь показатель того, что мы находимся ближе к этому событию, чем имели на то право, то это был карающий звук похоронных обрядов.

Я схватил руки мужчины и оттащил их от его ушей. В его глазах стояли слезы. Он стыдливо избегал моего взгляда. Одно дело – быть сражённым в драке, но совсем другое – быть доведённым до такого состояния простым барабанным боем. Его семья была рядом с ним: жена и две девочки, которые не могли быть старше Мирона, скрючились в похожем состоянии шока и боли. Младшая из двух девочек громко рыдала, в то время как другая раскачивалась взад-вперёд на носочках, тряся головой, словно пытаясь выгнать шум из черепа.

— Это не место для тебя, — тихо сказала я ему. Его глаза проследили за моими губами, но там не было никакого понимания. Либо он не мог читать по губам, либо он не говорил на Аликонском. Независимо от этого существовал язык, который понимал каждый человек. Я поднял его на ноги, многозначительно кивнув его дочерям.

Благородный на вид мужчина скрипнул зубами и вытер уши рукавами из прекрасной ткани цвета индиго, очищая их от крови. Затем он растолкал дочерей и, подхватив их на руки, направился к поредевшему краю толпы. Я подхватил его жену под колени, а другой рукой поддерживал её шею. Она была жёсткой в моих руках.

Отец оглянулся, и в этом взгляде было что-то трагическое. Возмущение, отвращение и ужасное принятие. Дочь, которая раскачивалась взад-вперёд, увидела, что я держу её мать, и начала кричать. Её не было слышно за громом похоронных песнопений. Что-то подсказывало мне, что это всё равно не имело бы значения. Мать плакала беззвучными слезами, глядя, как они уходят.

Я всегда знал, что есть разница между теми, кто культивирует силу, и остальными. Но видеть эту разницу в действие всегда было неприятно. Я видел, как отец прижал лицо дочери к своему плечу, чтобы она не видела, что происходит с её матерью. Он пошёл быстрее, прочь от агоры, переступая через других страдающих граждан.

Эта небольшая семья – купцы или политики, а не какие-то известные воины – явилась на

обычные, как им казалось, простые государственные похороны. Скорее всего, они уже жили в самом центре города и вышли на улицы, чтобы наблюдать за происходящим вместе со всеми. Скорее всего, они не намеревались показать свою силу, как это сделал Грифон, подойдя так близко. Но, несмотря на это, они были поглощены делами культиваторов. Поймали не тот глаз. И теперь они расплачивались за это.

Я быстро последовал за ними. Отец был в ужасе. Он держал руку на голове каждой из своих дочерей, крепко прижимая их лица к своей шее. Он думал, что я собираюсь забрать одну из его дочерей. Возможно, даже обеих. Ведь аппетит культиватора был ненасытен. Его жена дрожала в моих руках, настолько сильными были её рыдания.

Я остановился и осторожно поставил её на ноги.

Мы были уже достаточно далеко от шума, и я верил, что они благополучно выберутся. Даже горожане с низким культивирование всё ещё стояли на ногах, на таком расстоянии. Если, и когда вернутся похоронные барабаны, с ними всё будет в порядке.

Я слегка наклонил голову к отцу, а затем к его жене. Она смотрела на меня, застыв. Как будто резкое движение могло привести к её смерти.

— Берегите себя, — сказал я, предупреждая. Я повернулся и начал идти тем же путём, возвращаясь к моему спутнику-идиоту и его стайке новых друзей.

Если повезёт, они все будут мертвы к тому времени, как я вернусь.

Барабаны вернулись. Они плавно слились с песнопениями, оглушительный грохот атаковал чувства.

Я остановился по пути, чтобы помочь нескольким другим незадачливым гражданам избежать непосредственной опасности. Некоторые с благодарностью приняли мои указания. Другие были слишком поглощены своими чувствами, чтобы заметить меня. Однако большинство отреагировало так же, как и та первая семья. С туго сдерживаемым страхом перед культиватором, чьи прихоти нельзя было ни предугадать, ни отказать.

К сожалению, Грифон и его друзья всё ещё были там, когда я вернулся. Героиня тоже вернулась и, судя по всему, пыталась продолжить начатое с Грифоном. По какой-то причине, однако, громадный культиватор в крокодиловой шкуре решил вмешаться. Сейчас он удерживал её, обхватив горло массивным предплечьем. Это не было жестоким захватом, но как она ни старалась, не могла вырваться.

Они даже подобрали новое пополнение. Стоя на противоположной стороне от Грифона и Скифаса, ещё один из Героических культиваторов, которого я случайно отметил своим чувством, смотрел вверх на волнистое облако факельного дыма. Он был худощав, одет в мантию цвета фуксии с отделкой цвета чёрного дерева, а через плечо по диагонали был перекинут такой же высокий, как и он сам, лук. Он был точной копией всех лучников, которых я когда-либо знал в легионах.

Под культовым одеянием лучник носил доспехи из потускневшей бронзы. Изящные одеяния, надетые как будто на скорую руку, расходились на груди и лишь небрежно подпоясывались на талии. Их носили потому, что их нужно было носить, и это была единственная причина.

Он не выглядел агрессивным, и когда я подошёл, он не обратил на меня никакого внимания. Его внимание было приковано к дымящемуся силуэту, который нависал над агорой. Когда песнопения достигли апогея, Грифон и Героические культиваторы вздрогнули как один. Даже Героиня прекратила борьбу, чтобы посмотреть на небо.

— Что они говорят? — спросил я у Грифона, придвигаясь к нему и говоря прямо в ухо.

Он не отрывал взгляда от дыма. В какой-то момент он изменил свою форму – это уже не была рука, тщетно тянущаяся к небу. Теперь это был возвышающийся клинок, а на его острие пылали угли.

Губы Грифона беззвучно шевелились, но я без труда прочитал их.

— Это хвалебная речь. Это были его последние мгновения.

— Как он умер? — спросил я.

Грифон удивлённо улыбнулся, когда дым ещё раз изменил форму. Над агорой Олимпии широко раскинулась пара дымных крыльев. Их перья были пеплом и углём, а размах простирался от горизонта до горизонта. Один раз они ударили по воздуху. Тяжесть невзгоды легла на мои плечи.

— Он бросил вызов небесам.

С ясного ночного неба упала молния и поразила конструкцию дыма и пламени.

Горожане, Философы и Герои – все вздрогнули от небесного удара. Я видел, как по толпе пронеслись безмолвные крики неверия и ужаса. Я был уверен, что все мы думали об одном и том же.

Неужели Кириос действительно умер? Что было более абсурдным: Тиран, инсценирующий свою смерть, или небеса, обидевшиеся на его похороны? Что за человек был настолько ненавистен Судьбами, что они плюнули на его погребальную речь?

Была только одна молния, если подобные вещи вообще можно назвать "только". Жгучий отпечаток света, который она оставила после себя, выжженный на моих веках, когда я моргнул, был единственным доказательством того, что это вообще произошло. Относительная тишина опустилась на агору как одеяло.

Крики и проклятия стихли, когда люди поняли, что похоронные обряды прекратились. Нет, не прекратились. Барабаны всё ещё били, и мужчины всё ещё скандировали, но скандирование превратилось в бормотание, а барабанные удары – в пустой стук.

В грохоте после посмертной невзгоды Герои, окружавшие нас с Грифоном, казалось, внезапно вспомнили, зачем они вообще здесь собрались. Я встретился с вызывающим взглядом лучника в бронзе и взъерошенной ткани цвета фуксии. Он оглядел меня с ног до головы, оценивая, но невзгода унесла большую часть жара из этого жеста.

— Это ты, — проговорил он в наступившей тишине. — Помечаешь нас всех. Дёргаешь нас как собак. Либо ты идиот, либо ты не в своём уме – зачем ты позвал меня сюда?

Я оценил его так же, как он оценивал меня, сделал из этого шоу, а затем пожал плечами.

На этот вопрос невозможно было ответить, потому что правда заключалась в том, что это была ошибка. Но признать это сейчас означало признаться хотя бы одному враждебно настроенному Герою, что мы с Грифоном были притворщиками. Что на самом деле мы были именно тем, чем казались. Это было неприемлемо. Поэтому вместо этого я взял страницу из книги Грифона и сказал правду самым неискренним образом.

— Я не был тем, кто тебя пометил, — честно сказал я Героическому лучнику. Запах кипарисового дыма на его коже был уже слабым, но он всё ещё, без сомнения присутствовал. — Я лишь дал тебе знать об этом.

Это было правильное решение. Лучник пристально посмотрел на меня и медленно побледнел, когда не обнаружил никакого обмана.

— Что ты пытаешься сказать? — спросил он. Я не ответил. Почему-то я знал, что сейчас лучшим ответом будет молчание.

— Кто вы двое? — потребовала Героиня.

— Ты не знаешь? — спросил Грифон, как будто это было самой естественной вещью в мире, чтобы она знала нас.

— Вы из Розовой Зари, — сказал человек в крокодиловой коже. Отчего-то атмосфера стала ещё более напряжённой.

Было понятно, что они не замечали этого до сих пор. Классическое одеяние Розовой Зари, прекрасные малиновые и белые мантии, которые носили все посвящённые, были основательно осквернены к тому времени, как мы сошли на берег в доке Олимпии. Алая мантия Грифона была порвана и окровавлена, он использовал её части, чтобы замотать колотую рану на кишках, которую ему нанёс маленький пиратский мальчик. Выцветшая золотая шаль, которую он подобрал около часа назад, только ещё больше запутала его принадлежность.

Со своей стороны, я уже давно запятнал свой культовый наряд неприятными обязанностями рабского труда. Остались пятна, которые не отстирывались, и я потерял ту немногую возможность торга, что у меня была в культе, когда Грифон потерял ко мне интерес после дневных игр. Свежие халаты мне не полагались, и мне было слишком всё равно, чтобы настаивать.

— Ты из Разбитого Прилива, — ответил Грифон. Более крупный культиватор склонил голову в знак признания.

— После стольких лет они наконец-то прислали претендента. — Лучник нахмурился, поглаживая тетиву своего лука. В свете факела она блестела. Кручёное золото, понял я. — И когда они это делают, они проносят тебя как воров в ночи. Они гасят пламя твоего сердца и душат твои добродетели.

— Что-то воняет, — сказала Героиня, свирепо нахмурив губы. Она дважды хлопнула предплечья крупного культиватора, и он отпустил её. Она просунула свой клинок из чистой бронзы обратно в петлю на поясе. Сейчас она не готовилась к драке, но выглядела ещё менее довольной, чем раньше.

Грифон сместил свою стойку, чуть-чуть, чтобы его плечо задело моё. Мы обменялись взглядами в уголках глаз, и нетрудно было догадаться, о чем думает другой. Мы прошли точку

невозврата примерно три Героических культиватора назад. Единственный выход теперь был сквозь это.

— Ты не можешь думать, что они связаны, — запротестовал Скифас. Как бы мало это не сделало. Может, Скифас и превосходил нас в культивации, но он был самым маленьким в этой группе. Взгляды Героини и лучника только укрепили это. — Они бы не стали действовать сейчас, не так рано. Даже бесстыдству есть предел!

— Осторожнее, — сказал лучник, его тон представлял собой неприятную смесь легкомыслия и напряжённости. — У них есть глаза и уши, которые мы не можем видеть. Независимо от того, замешаны эти двое или нет, он сам это сказал. Нас пометили.

— Они бы не стали, — настаивал Скифас. — Не сейчас. Не пока тело ещё тёплое.

Грифон что-то понял – я увидел это по его лицу. Я подготовился.

— Прихоти тиранов не зависят от таких мелочных забот, как приличия или семейный долг, — беспечно сказал он. Окружавшие нас культиваторы вздрогнули.

Я почувствовал вкус соли в воздухе. Она покрывала мой язык так же, как и кипарисовый дым. Кто-то наблюдал за нами.

— Ты не был здесь долго, не так ли, — сказал культиватор в крокодиловой коже. Это не было вопросом.

— Ты не задержишься здесь надолго, — сказала Героиня. Это не было угрозой.

— Правда что ли? — спросил Грифон, жемчужно-белые зубы сверкнули в слабом свете его техники культивации. — Какая жалость. Кажется, мне начинает здесь нравиться.

Вкус соли на моем языке удваивался и удваивался. Он стал подавляющим, хуже любого пересоленного пайка, который мне приходилось есть в легионах. В моём периферийном зрении внезапно появилось движение. Шквал движения на западном краю толпы, ближе всего к агоре, у переулков, проходящих через один из деловых районов Олимпии.

— Вы искушаете судьбу, — пообещал нам лучник. — Некоторые вещи не должны быть сказаны.

— Хо? Я думал, это наш промысел, чтобы нас ненавидели Судьбы? — Грифон положил руку на бедро, а другая кровоточащая ладонь всё ещё небрежно лежала на рукояти его украденного меча. — Герои вы или нет?

— Хватит об этом, — огрызнулся Скифас. Он посмотрел сначала на Грифона, потом на своих товарищей Героев. — Старейшины есть старейшины. Сейчас не время и не место гадать об их мотивах. Кириос мёртв. Неужели мы не можем оставить мелкую политику хотя бы на одну ночь? В память о нём?

Его сходство с молодыми солдатами пятого, а также искренняя скорбь в его голосе заставили меня засомневаться, стоит ли говорить. Но я не мог вечно игнорировать то, что видел.

— Похоже, что нет, — сказал я. Когда он перевёл взгляд на меня, я перевёл глаза на западный край толпы.

На краю похорон, там, где собирались Философы и Граждане, не пользующиеся особой

благосклонностью, одного из тех, кого я заметил ранее, тащили в переулок пара таких же чудовищных существ.

Героя похищали.

— Воро́ны! — прорычал Скифас. Он бросился бежать сквозь толпу. Его товарищи культиваторы не сделали ни одного движения, чтобы последовать за ним или остановить его. Разумный выбор. Ни один мудрый человек не побежит прямиком в засаду.

Скифас помчался в переулок, а я следовал за ним по пятам.

Я тот, кто я есть.

http://tl.rulate.ru/book/93122/3194121